

ПРОЛОГ

Она старалась не смотреть в зеркало. Как назло, в этом лифте оно гигантское, и куда бы она ни взглянула, не могла скрыться от собственного отражения. Если бы удалось преодолеть отвращение и стыд, она увидела бы огромные, как у лемура, испуганные глаза с темными разводами от туши и теней, распухшие, искусанные до крови губы и растрепанные светлые волосы, нимбом окружавшие бледный, покрытый испариной лоб. Она тщетно пыталась запахнуть блузку на груди, так как пуговицы оторвались, и только одна жалко болталась на нитке, словно цветок с поникшей головкой. Черт, эта блузка стоила две пятьсот... Господи, о чем она думает! Только бы лифт не остановился до технического этажа!

Как назло, кому-то срочно потребовалось его вызвать, и кабина, вздрогнув, замерла. Она изо всех сил вдавила кнопку «стоп», надеясь, что дверь не откроется. Если это произойдет, придется смотреть в глаза попутчику, а в его взгляде она прочтет немой вопрос, или, не дай бог, он начнет интересоваться, что произошло... Нет, этого ни за что нельзя допустить!

К счастью, электроника данного типа лифтов достаточно чувствительна, и кабина, на несколько секунд зависнув в воздухе, снова трепыхнулась и продолжила спуск. На табло зажглась цифра «5». Она закусила губу и зажмурилась, надеясь, что больше никто не пожелает войти.

* * *

Регина начала снимать шубку еще в подземном гараже; хотя на улице минус восемь, она чувствовала, что больше ни минуты не сможет таскать на плечах такую невероятную тяжесть. На самом деле шубка почти ничего не весила, но все тело ломило, и Регина буквально ощущала, как в голове тяжело и неповоротливо шевелятся извилины, словно плохо смазанные колеса часового механизма.

Процесс длился три с лишним месяца, а последнее заседание растянулось на восемь с половиной часов — она думала, что скончается прямо в зале суда, так и не услышав вердикта! С другой стороны, приговор был очевиден: ее команда отлично потрудилась, а прокурор на заключительном слушании походил на нашкодившего подростка, пристыженного взрослыми за плохо выполненное домашнее задание. Надо будет пригласить его выпить в какое-нибудь приятное место в знак примирения, а то, чего доброго, отольются Регине «мышкины слезы»!

Она едва подавила желание скинуть сапоги на высоких каблуках прямо сейчас: остановило ее лишь то, что бетонный пол холоден, как лед, а на ногах тонкие колготки. Горячая ванна с ароматной пеной, чашка горячего чая с травами, который мастерски заваривает Саввишна — и баиньки...

— Регина Савельевна?

Тоненький, почти детский голосок, прозвучавший совершенно неожиданно, заставил ее подпрыгнуть чуть ли не низко нависающего потолка гаража. Из тени на тускло освещенную площадку выступила тонкая, высокая фигура, закутанная в пуховик. Регине пришлось задрать голову, чтобы взглянуть незнакомке в глаза: несмотря на каблуки, ее макушка едва доставала девушке до переносицы.

— Господи, к-кто в-вы?! — пробормотала она, разглядывая странную личность. — Что вы тут делаете?

— Мне о-чень нужна ваша помощь! Охранник отказался меня впускать в подъезд, вот я и решила подловить вас тут.

«Подловить» — очень верное слово! Регина намеревалась жестко отослать девицу прочь, но заметила посиневшие губы и красный нос: холод здесь стоял собачий — едва ли в гараже теплее, чем на улице.

— Сколько вы уже ждете? — спросил она девушку.

— Часа полтора, — неуверенно ответила та, переминаясь с ноги на ногу.

— Ладно, — подавив стон, вздохнула Регина, — идите за мной!

Пока они проходили по вымощенному итальянским кафелем фойе к лифту, Регина краем глаза заметила, что нежданная гостья с восхищением озирается по сторонам, разглядывая светильники из чешского стекла, диваны с журнальными столиками и картины на выкрашенных в светлые, жизнерадостные тона стенах. Правильно ли она делает, что ведет девушку домой? Регина сама себе удивлялась, но замерзшая незнакомка представляла собой такое жалкое зрелище, что она не могла поступить иначе.

— Это что еще за явление Христа народу?!

Таковыми словами их встретила Саввишна, выплывшая в коридор в закатанных до колена джинсах и с тряпкой в руках. Справедливо, если учесть, что Регина крайне редко приглашает гостей, ценя уединение своей «крепости»! Гостья в ужасе пялилась на Саввишну, что вполне объяснимо: хоть девушка и отличалась высоким ростом, домработница наверняка показалась ей настоящей великаншей. Около двух метров в высоту (благо потолки три с половиной!), с древоподобными руками и ногами, она напоминала горного тролля из древнегерманских сказаний. Тем не менее в Саввишне не было ни грамма лишнего жира: он равномерно распределился по всей ее громадной фигуре, нигде не создав неприятных складок. Лицо ее, молоджавое и приятное, не сразу бросалось в глаза, так как первым делом неподготовленный зритель обращал внимание на габариты.

— Нам нужно две чашки чая, — вместо приветствия произнесла Регина, бросая шубу на пуф у двери. — И, наверное, чего-нибудь перекусить?

— *Перекусить?* — не веря своим ушам, переспросила Саввишна. — *В одиннадцать* вечера?!

Регина кинула на нее строгий взгляд, и Саввишна, вытерев мокрые ладони о джинсы, поинтересовалась:

— Салат или котлеты?

— Господи, какие котлеты — в *такое* время?! — возмутилась Регина, стягивая сапоги, которые, казалось, приросли к колготкам.

— Ладно, ладно, — пробурчала женщина и направилась на кухню. Задержавшись на мгновение, она через плечо еще раз окинула нежданную гостью подозрительным взглядом и скрылась за дверью.

— Раздевайтесь, — предложила Регина.

— Я ненадолго! — пробормотала девушка. Она явно чувствовала себя не в своей тарелке. Это хорошо, потому что Регина терпеть не могла наглых людей, принимающих хорошее отношение как должное и пользующихся чужой добротой. Может, дело и впрямь не затянется, и она получит-таки свою ванну с пеной, только на полчаса позже?

* * *

— Мне жаль, что вы зря потратили время, — сказала Регина, выслушав незнакомку.

Девушка отогрелась, и ее лицо приобрело нормальный оттенок. Довольно обыкновенные, не слишком выразительные черты лица. *Молодая* девчонка, и этим все сказано. Никакой косметики, светлые волосы (похоже, цвет натуральный), серые глаза, хорошая кожа. Ничего особенного, за исключением имени. Это надо же — назвать ребенка *Устиньей!*

— Но почему же зря? — растерянно переспросила гостья. — У меня есть деньги, а если...

— Милочка, дело не в деньгах, — перебила Регина. После двух чашек чая она расслабилась, однако у нее не было ни малейшего желания затягивать беседу. Регина поступила как добрая самаритянка — отогрела бедняжку, покормила и выслушала, пора бы и честь знать. — Я не веду дела об изнасилованиях, понимаете?

— Я знаю, — кивнула девушка. — Прежде чем сюда прий-

ти, я почитала о вас в Интернете: вы беретесь только за те дела, которые приносят большие деньги.

— Нет, дорогуша, — возразила слегка уязвленная Регина. — Я берусь за дела, которые можно *выиграть*! Кто дал вам мои координаты? В Интернете нет моего домашнего адреса, значит...

— На самом деле адрес дала мне одна подруга, но она просила не называть своего имени. Кстати, она предупреждала, что вы, скорее всего, откажетесь.

Регина с новым интересом взглянула на Устинью. А она не промах, эта девица!

— Ваше последнее дело наделало много шума, — продолжала девушка. — Думаю, то, что я предлагаю, также может пойти вам на пользу.

— Мне *на пользу*?

— Ну да, ведь речь о самой крупной пивной компании в России!

— Вы ходили в полицию?

— С чем? — пожала плечами гостя. — Изнасилования ведь не было, только попытка.

Не дура — это хорошо. Регина спрашивала себя, отчего не выставляет Устинью за дверь и продолжает вести этот ничемный разговор.

— Я вообще не понимаю, что вы здесь делаете! Вас *не* изнасиловали — значит, вам не в чем обвинить этого, как его...

— Егора Петровича Сугривина.

— Вот-вот.

— Но меня уволили!

— Досадно, но вы молоды и, похоже, не лыком шиты — не пропадете. Сами подумайте, может, это и к лучшему: пивной концерт — не лучшее место для молодой девушки. Кругом грубые мужики, мат стоит, наверное, как на стройке, вряд ли к такому можно привыкнуть!

Знала бы она, к чему Устинья привыкла! «Школа выживания», через которую она прошла, выбраковывала, уничтожала самых слабых. Средние влачили жалкое существование. Сильные пытались бороться. Устинья была из последних, и она боролась. Цеплялась зубами за любую предоставляющуюся возможность, лезла наверх, ломая ногти... Девушка

рассматривала адвокатессу, стараясь, чтобы это не выглядело слишком явным. Она не видела таких женщин вблизи, только на экране телевизора — в латиноамериканских сериалах, пожалуй. В Интернете размещено достаточно снимков Регины Гнедич, но Устинья не думала, что в жизни знаменитость окажется еще более привлекательной. И необычной! В одной из статей девушка вычитала, что отец адвокатессы родом из Ростовской области, а мать — кенийка. Он занимался расследованием крушений авиатранспорта, а она работала стюардессой на международных авиалиниях. Они познакомились, когда пассажирский лайнер, приобретенный правительством Кении в СССР, разбился в районе Найроби во время приземления. Видимо, от матери Регине достались смуглая кожа и черные волнистые волосы. А глаза, огромные, ярко-голубые, скорее всего, отцовское наследие. Негроидные черты в ее точеном, гладком лице едва угадывались, и все же сразу становилось очевидным, что Регина — не стопроцентная европейка. Небольшого роста, с тончайшей талией, но довольно широкими бедрами и большой грудью, адвокатесса являла собой мечту многих мужчин. Из Сети Устинья знала, что ей тридцать шесть лет, но, не имея она этой информации, вряд ли дала бы Регине больше тридцати: гладкая кожа, прямой, открытый взгляд и подтянутое тело легко могли обмануть кого угодно. А еще Устинье было известно, что эта женщина — настоящий питбуль, когда речь идет о защите клиента. В борьбе с прокурорами она вела себя как заправский пират, не гнушаясь никакими методами, и была готова на все, чтобы выручить того, кто верял ей свою судьбу. Однако Устинья решила обратиться к Регине не поэтому, а потому, что у той существовал принцип, который внушал уважение: адвокатесса всегда подчеркивала, что защищает лишь тех клиентов, которым *верит*. Если клиент виновен, она не станет заявлять, что он чист, как первый снег, но сделает все, чтобы смягчить наказание. Если же он ни в чем не виноват, Регина перевернет небо и землю, но вытащит его из переделки. Она не имела дел с уголовным миром и не выступала на стороне людей с грязной репутацией, что обеспечило ей славу «белого воротничка» от юриспруденции. Балансировать на этой тонкой

границы чрезвычайно сложно, ведь при наличии таких жестких принципов выбор клиентов ограничен. Тем не менее Регина потратила годы на то, чтобы сделать себе имя, а потому могла рассчитывать, что те, кто не соответствует «стандартам», не посмеют даже переступить порог ее офиса. По этой причине Устинья не стала пытаться попасть к Регине на прием, а предпочла подкараулить в гараже.

— Чего вы желаете добиться? — спросила Регина, чувствуя, что пауза затягивается. — Хотите вернуться обратно на работу?

— Нет, — качнула головой девушка, — я же понимаю, что мне не позволят остаться и найдут предлог, чтобы выкинуть на улицу.

— Тогда что у вас на уме?

— Я хочу их *наказать*.

Это что-то новенькое: принципиальная мстительница? Такие люди, Регина знала по опыту, встречаются редко. В большинстве случаев клиента с трудом можно заставить бороться за себя, а тут — такая решимость... Интересный экземпляр!

— Скажите, — произнесла она, стараясь, чтобы ее любопытство не показалось гостю слишком явным, — а как вам удалось справиться с вашим начальником?

— Я ударила его между ног бронзовой статуэткой, — спокойно пояснила Устинья. — Он прижал меня к столу, и я поняла, что попалась...

— Почему же не шарахнули по голове со всей дури, а метили в пах?

— Да вы что, меня же могли засудить!

А она молодец! Несмотря на угрозу изнасилования, не потерять присутствия духа и сохранить холодную голову — это говорит о твердости характера и хороших мозгах. Идиот этот, как его... Такую девку в штате надо холить и лелеять, а не пытаться лезть к ней в трусики. Тем не менее Регина сказала:

— Ну, раз вы так хорошо разбираетесь в законах, то поймете, что ваше дело, простите, выведенного яйца не стоит!

— Я понимаю, — согласилась Устинья, — поэтому пришла не с пустыми руками. Вот, — и она положила на стеклянный стол листок, вырванный, очевидно, из блокнота.

— Что это? — с подозрением спросила Регина, косясь на бумажку.

— Список женщин, которые, предположительно, пострадали от Сугривина. Я, правда, с ними еще не говорила, но...

— Их всех тоже уволили?

— Некоторые ушли сами, другие, по моим сведениям, получили отступные — за молчание. Руководство концерна покрывает одного из высокопоставленных работников и делает это сознательно!

Черт подери, она хороша: впервые в жизни Регина видела потенциальную клиентку, которая *сама* пыталась добыть для адвоката важные сведения! Нет, конечно, дело она все равно не возьмет — не ее профиль, — однако что-то для этой девицы Регина сделать просто обязана.

* * *

Регина распахнула глаза и несколько раз моргнула, прогоняя остатки сна. Она всегда просыпалась сразу, не валяясь и не растягивая время подъема. Следуя рекомендациям физиологов, она вытянула вверх одну руку, вторую, позволяя мышцам растянуться после сна, затем подняла правую ногу под углом в девяносто градусов, пошевелив ступней туда-сюда, а после проделала то же с левой. Регина старалась двигаться аккуратно, чтобы ненароком не задеть лежащего рядом мужчину.

— Ну, ты прямо как паук! — пробормотал он спросонья.

— Тебе тоже пора подниматься, — заметила Регина, спуская ноги на шелковый ковер и кожей пяток ощущая его нежную, гладкую текстуру. — Во сколько суд?

— В десять, — громко крикнул сосед по кровати и перекатился на спину, наблюдая за ее грациозными движениями. Его жена, пожалуй, всего на пару лет старше, но она и вполтину не так хороша — распустилась за годы совместной жизни, отрастила целлюлит, ноги бреет от случая к случаю... Слава богу, она укатила к матери на две недели! Господи, ну почему жизнь так несправедлива? Почему он не может каждое утро просыпаться в одной постели с прекрасной женщиной, к которой хочется прикасаться снова и снова? К ее

смуглой атласной коже, жестким, волнистым волосам, струящимся по гладким, полным плечам, к ее большой, красивой груди...

Он зажмурился и потряс головой, отгоняя наваждение. Интересно, а что *она* думает по этому поводу? Если бы Регина только намекнула... Нет, конечно, у него обязательства перед детьми, но они уже почти взрослые и наверняка переживут развод. Кроме того, он ведь не намерен бросать их — просто переедет в другое место, а в остальном ничего не изменится. Но что-то подсказывало, что у Регины найдется масса возражений — не зря она так долго и упорно избегала брака. И как только такой аппетитной красотке удалось ни разу не «сходить замуж» — даже в юности, когда в голове гуляет ветер и гормоны бьют фонтаном? Это говорит лишь о том, что уже тогда она руководствовалась холодным рассудком, а не эмоциями. А как хотелось думать, что уж от него-то Регина точно теряет голову! Вчера вечером так и казалось — она умеет дать мужчине почувствовать, что он единственный, с кем ей действительно хочется находиться. В данный конкретный момент.

Стоя перед большим зеркалом в ванной, Регина разглядывала припухлости под глазами. В отличие от большинства женщин своего возраста с утра она выглядела неплохо, хотя десять лет назад, конечно, проблем вовсе не было. Когда она выйдет, их никто и не заметит. Регина решительно повернула кран с холодной водой и взяла в руки маленькую душевую лейку для раковины. Направив сильную струю прямо в лицо, она закрыла глаза. Ледяная вода обожгла кожу, заставляя каждый миллиметр лица зажить собственной жизнью. Решив, что уже достаточно, Регина оставила лейку и шагнула в душевую кабину с затемненными стеклами.

Когда она снова вошла в спальню, ее любовник паялился в экран телевизора.

— Представляешь, племянника Кузьмина грохнули вчера вечером! — сказал он, не поворачивая головы.

— Кого? — безразлично отозвалась она, распахивая дверь в гардеробную, занятая мыслями о том, что надеть на завтрак с клиентом. Что-то не слишком помпезное (ведь это завтрак, а не ужин), но элегантное...

— Пиво «Пугачефф», — ответил на ее вопрос федеральный судья Тимофей Григорьевич Дуров.

— Ч-что? — переспросила Регина, резко оборачиваясь. — Сделай звук погромче!

— А чего ты переполошила-то?

Но Регина его не слушала.

«... связывают с предстоящим поглощением концерном двух предприятий по производству спиртных и газированных напитков, — вещал бородатый ведущий, стоя на фоне здания с гигантскими бетонными буквами у парадного входа, сложенными в слово «Пугачефф». — Однако, — продолжал он, возбужденно размахивая длинными руками, словно голландская ветряная мельница, — следствию стало известно и о некоторых подробностях частной жизни Сугривина, которые могли привести к трагической развязке. Несмотря на внешне счастливый брак, зам генерального, по слухам, вел свободный образ жизни и общался с людьми самого разного толка. Среди прочих звучат имена одного известного политика и модели международного класса, чье имя не называется в целях соблюдения тайны следствия. Из достоверных источников нам стало известно, что по подозрению в причастности к убийству заместителя генерального директора задержана некая Устинья Попкова. Источник, близкий к руководству концерна, сообщает, что девушка, долгое время работавшая в головном предприятии «Пугачефф» личным референтом Сугривина, была уволена за халатность, после чего, возможно, затаила злобу на бывшего начальника...»

— Боже мой! — пробормотала Регина, пялясь в экран. — Какая ерунда...

— В чем дело? — встревоженно спросил Тимофей. — Ты его знала?

— Не его — *ее*.

— Подозреваемую?

Регина кивнула, сглотнув комок в горле. Она выпроводила девицу, всучив ей визитку Бориса Минкина, и тут же забыла о ней, занятая собственными проблемами.

— Забудь, — погладил ее по колену Тимофей. — Она ведь не твоя подруга!

— Она приходила ко мне несколько дней назад.

— Что?

— За помощью. Сказала, что этот самый Сугривин пытался ее изнасиловать. Она отбилась, но через несколько дней получила уведомление об увольнении.

— Тогда точно — забудь. Если девка грохнула насильника, причем произошло это спустя какое-то время после инцидента...

— Да знаю, знаю! — процедила Регина.

— Только не говори, что чувствуешь себя виноватой!

— С чего бы?

— Вот именно, не с чего. Такие вопросы нужно решать цивилизованным путем.

— Это как? Если бы она пришла к тебе и сказала: «Начальник пытался меня трахнуть, но я вырвалась. Он меня уволил, и я хочу, чтобы его призвали к ответу!» — что бы ты ей посоветовал?

— Найти другую работу и мужика, который способен защитить от посягательств чужих самцов.

— И это, по-твоему, *цивилизованный* путь?

— Котенок, ты же отлично понимаешь, о чем я говорю, верно? — смягчив тон, проговорил федеральный судья. — Ты не хуже меня знаешь закон и прекрасно понимаешь, что такое дело бесперспективно, с какой стороны на него ни взгляни!

При слове «котенок» она поморщилась: показалось, что так он может называть жену. Лицемер несчастный! Регине нравился этот мужчина, иначе она не легла бы с ним в одну постель, как бы сильно того ни требовали обстоятельства. Он отлично сохранился для своих пятидесяти двух. Следит за здоровьем, регулярно посещает бассейн и салон красоты, играет в теннис в юридическом клубе... И все же это не повод называть ее ласковым прозвищем собственной супруги. Регина знала Марину Дурову достаточно хорошо, чтобы понимать, почему ее муж ищет любви на стороне. Холодная, расчетливая и умная женщина, Марина посвятила жизнь поддержанию собственного статуса. Тимофей Дуров добился поста федерального судьи во многом благодаря ей. Марина была тем двигателем, который толкал его вперед и вперед, даже вопреки собственным стремлениям и желаниям. Он был

честолюбивым человеком, но его честолюбие и в подметки не годилось амбициям жены. Когда они встречались на вечеринках и официальных мероприятиях, Регине не раз приходило в голову, что Марина догадывается, какие отношения связывают ее с Тимофеем, но она и пальцем не пошевелит, чтобы что-то изменить: все же одна постоянная любовница лучше, чем случайные связи. Кроме того, Марина Дурова ни за что не согласилась бы потревожить хрупкую паутину, связывающую ее с мужем, дабы та ненароком не порвалась, и она, не дай бог, не лишилась в одночасье положения, связей и достигнутого с таким трудом достатка. Регина знала — одно ее слово, и Тимофей уйдет от жены. Однако Марина могла не опасаться, так как Регина не строила планов в отношении федерального. Видимо, его супруга об этом догадывалась, потому-то положение вещей и не менялось уже долгое время.

— Ты меня вообще слушаешь? — услышала она голос любовника, донесшийся как будто издалека.

— А?

— Я говорю, что тебе стоит забыть об этом деле. Если девица невиновна, ее отпустят.. Если, конечно, повезет со следователем, и если руководство «Пугачеффа» не станет давить.

— Слишком много «если»!

— Ты не рассматриваешь версию о том, что она виновна? Регина ненадолго задумалась.

— Ты прав, — медленно произнесла она. — Понимаешь, когда я спросила, почему она, защищаясь, ударила Сугривина в пах, а не по башке, ведь в стрессовой ситуации человек способен на самые дикие поступки... Короче, Устинья сказала примерно следующее: «Вы что, меня бы за это засудили!» А пару дней спустя она, значит, совершает убийство, перестав беспокоиться о таких «незначительных» вещах?

— Обстоятельства меняются, люди — тоже.

— За несколько дней? Ты шутишь!

— Не забывай, что она хотела произвести на тебя хорошее впечатление. Они *все* этого хотят, чтобы ты взялась за защиту, поэтому твоя девушка вряд ли была с тобой на сто процентов откровенна. Помнишь, ты сама сказала, что она хотела наказать засранца — может, она избрала такой способ, так как ты отказалась ей помочь?

— Вряд ли, она имела в виду другое.

— А ты не думаешь, что девица просто-напросто хотела отсудить у концерна деньги?

— Брось, Тима, мы же не в Штатах! — рассмеялась Регина. — Самое большее, чего можно ожидать, это выплаты компенсации за вынужденный прогул и выходного пособия! Ну, если бы удалось добиться мирового соглашения...

— Все так, — перебил Тимофей, — но, согласись, это — не твой уровень. Ты уже лет десять вращаешься в кругу богатых и знаменитых, помогаешь им и их деткам выпутываться из разных передраг, а эта девчонка... Если ты решишь ей заняться, это может здорово повредить твоей репутации! И не забывай об армии юристов «Пугачеффа»: стоит тебе сделать шаг вперед, и они набросятся на тебя, словно гиены... О нет, ради бога не делай такое лицо!

— Какое?

— *Такое* — когда у тебя загораются глаза от предвкушения. Черт, зря я упомянул армию юристов!

* * *

— Расскажите мне еще раз, как все вышло, — попросила Регина.

Устинья сидела напротив и выглядела спокойной для человека, впервые оказавшегося за решеткой. Странно — для столь юного возраста и рода деятельности, она ведь типичный «белый воротничок»! Это невольно вызывало уважение. Устинья не ожидала появления Регины, тем не менее не стала выяснять, что заставило адвокатессу прийти — еще одно очко в ее пользу.

— Что именно вы хотите знать? — деловито поинтересовалась девушка.

— Все. Как вы поступили на работу, какие отношения у вас сложились с коллегами и руководством — словом, абсолютно все факты, которые могут повернуться против вас. Или за.

— Что ж, попробую... Я пришла в «Пугачефф» пять лет назад, сразу после колледжа. Я изучала делопроизводство, стенографию, бухгалтерские компьютерные программы...

— Бухгалтерские? — перебила Регина. — Это что же за колледж готовит специалистов столь широкого профиля?

— Ну, бухгалтерию я изучала самостоятельно, на курсах. Компьютерный курс в колледже также был недостаточно глубоким — пришлось добирать частным образом.

А она упорная! Такая девушка не станет рушить собственную жизнь из чувства мести. Тем более что изнасилования ведь не было — была попытка, и только.

— Продолжайте, пожалуйста, — попросила Регина. — Должность в «Пугачеффе» — ваше первое место?

— Да. Вернее, не совсем: в колледже я подрабатывала помощником бухгалтера в сети круглосуточных супермаркетов, но это не считается — торговля меня никогда не интересовала, да и масштаб не тот.

— Другое дело — огромный пивной концерн с филиалами по всей России?

— Точно. Я узнала о вакансии секретаря-референта из Интернета и прошла огромный конкурс!

— Референта замдиректора?

— Что вы! Всего лишь одного из старших менеджеров. Однако чуть больше, чем через год я получила повышение.

— То есть вас заметили? — уточнила Регина.

— Верно. Я вела все дела Антона (так звали старшего менеджера), включая домашние. На мне были делопроизводство, звонки, организация встреч, а также стирка его рубашек, химчистка, покупка костюмов и обуви... В общем, у него не было от меня тайн, а я многому научилась.

— Вы с ним спали?

— Что-о?!

— Это может всплыть на суде, если, конечно, до него дойдет, поэтому я хочу знать правду о ваших отношениях с начальником.

— Я не смешиваю работу и секс — обычно это не приводит ни к чему хорошему!

Для молодой девушки Устинья что-то чересчур уж мудра. Регина сомневалась, что ей удалось бы донести эту истину до большинства представительниц ее возраста, какие бы аргументы она ни использовала.

— А потом меня забрала к себе Рафия, — продолжала Устинья.

— Кто?

— Бывшая замдиректора «Пугачеффа» по связям с общественностью, работала там со дня основания концерна. Между прочим, поднялась из самых низов!

— Она стала для вас примером, да? — предположила Регина.

— Удивительная женщина! Жесткая, требовательная, но справедливая и человечная.

— Редкие качества, особенно для руководителя. Надо понимать, вам нравилось на нее работать?

— Не то слово!

— Что с ней произошло, и как Сугривин стал вашим начальником?

— Рафия уволилась.

— Seriously?

— Она сказала, что по семейным обстоятельствам. Но мне кажется, на самом деле генеральному потребовалось пристроить родственника, поэтому Рафию решили «подвинуть».

— То есть Сугривин — порождение nepoтизма?

Черт, а вот это как раз то, о чем предупреждал Тимофей! Это дело станет для Кузьмина делом *чести*. То есть ему захочется упрятать виновного за решетку побыстрее и на как можно более долгое время — и неважно, что для этого придется сделать.

— Ясно, — кивнула Регина, не желая рисовать перед потенциальной клиенткой печальную перспективу. — Дальше?

— Я боялась, что Сугривин притащит с собой другого референта — ну, знаете, «новая метла» и все такое... Он и вправду уволил нескольких сотрудников, поставив на их места *своих* людей, но меня оставил. Я считала, что это из-за моих профессиональных качеств. Отчасти, наверное, так оно и было, ведь я знакома со всеми в головном офисе и со многими — в филиалах. Я знала, куда звонить и писать в экстренных случаях, кроме того, за время работы успела обрасти связями не только в «Пугачеффе», но и за его пределами — секретари и личные помощники поставщиков, партнеров и даже конкурентов... Я была ему весьма полезна.

— Как долго вы проработали под его руководством?

— Полгода. Честно говоря, я надеялась, что Рафия найдет руководящую должность и перетянет меня к себе — на самом деле мы так и договаривались.

— То есть она обещала вам место, как только подыщет соответствующий пост для себя?

— Ну да, — вздохнула Устинья. — Только, видимо, руководителей везде пруд пруди, и не так-то легко устроиться!

— Это верно, — усмехнулась Регина. Уж ей ли не знать — она пять лет отпахала в небольшой юридической фирмочке с начальником, который только и делал, что собирал дань с подчиненных. Они сами искали себе дела, не вылезая из судов, а он задницы от стула не отрывал. Они, молодые юристы, едва сводили концы с концами, а он купил себе квартиру в Болгарии и домик в Черногории только за то короткое время, что Регина на него ишачила. — Так как вышло, что Сугривин на вас покусился?

— Он вообще любитель погулять. В то время, когда увалилась Рафия, он как раз женился в третий раз, но это ему нисколько не мешало. Девицы к нему косяками шастали — я только и успевала сообщать по селектору!

— Он, что, так привлекал женский пол?

— Ага — в основном ресторанами и дорогими тачками. Он их коллекционировал.

— Женщин?

— Да нет, автомобили. У Сугривина их штук восемь было, включая «Майбах» — его он на крайняк держал, для моделей крутых.

— «Майбах»? Это ж как минимум пять-шесть лямов — если подержанный!

— Вы просто не представляете, какие бабки зашибают в концерне! Пиво — ходовой товар, большая часть населения его потребляет. Два года назад на международном фестивале пива наш продукт... то есть продукт «Пугачеффа» был признан номером один в России. Кроме того, концерн выпускает не только пиво — есть еще квас и газированные напитки. Так что, думаю, Сугривина можно назвать состоятельным человеком.

— Ладно, продолжайте.

— Ну, я сказала, что мой начальник любил женский пол, но уважение к нашему брату, вернее, сестре, не питал, считая, что любая женщина только и мечтает о том, чтобы оказаться в его постели.

— Ничего себе самомнение!

Устинья только головой покачала. Регина с удивлением наблюдала за девушкой. Сейчас определенно решается ее судьба, но она собранна и здраво рассуждает, хотя большинство народа в ее положении определенно вели бы себя иначе.

— Думаю, Сугривину не давала покоя мысль о том, что я — единственная женщина в его ближайшем окружении, которую не интересуют его «приемчики». Я хотела чего-то добиться в жизни, построить карьеру... А он хотел только получить свое.

— Итак, он начал приставать...

— И я его ударила. И убежала из кабинета. На следующий день я написала заявление на имя генерального директора о переводе на другую должность — я знала, что одна из секретарш в финансовом отделе ушла в декрет, и они ищут замену. Это было понижение, но я... я просто не могла вернуться к нему, смотреть на него... Да меня тошнило, черт подери!

Лицо девушки исказилось от отвращения. Регина отлично ее понимала. Она видела Сугривина только по телевизору, когда репортер рассказывал об убийстве, но этого было достаточно, чтобы понять: человек, считавший себя плейбоем, на самом деле вовсе таковым не являлся. Но в то же время Регина понимала, что многие женщины не согласились бы с ее оценкой и предпочли материальные выгоды эстетическому наслаждению.

— И как повело себя начальство? — задала она вопрос.

— Перевели, на следующий же день. А через неделю уволили.

— С формулировкой?

— За халатность, повлекшую за собой срыв сделки вследствие опоздания с перечислением платежа.

— Вы напортачили?

— Нет.

— А что произошло?

— Отдел должен был подготовить бумаги на перевод де-

нег, но я занималась только черновым вариантом, после чего передала документы начальнику финансового отдела на проверку и визирование.

— Значит, это — его ошибка?

— Мне кажется, ошибки не было: просто меня требовалось убрать. На третий день после того, как меня перевели, я столкнулась в лифте с Сугривиним. Слава богу, мы были не одни, но, когда он посмотрел на меня, на его лице появилась такая гаденькая ухмылочка... Думаю, вся эта ситуация с платежом была подстроена с целью выдать меня из концерна, ведь они отлично знали, что я не уйду сама. Кроме того, видимо, Сугривин хотел ударить побольнее, чтобы не пришлось выплачивать отступные — он вполне на это способен!

— Вы ненавидели его?

— Разумеется! Но я его не убивала. Хотя, признаться, с удовольствием пожала бы руку тому, кто это сделал.

— Последнюю фразу я не слышала.

— Какую такую фразу? — невинно подняла брови Устинья.

Умная, целеустремленная и жесткая девица — такая вполне способна на убийство. Или на то, чтобы стать президентом страны.

— Вы рассказали следователю о попытке изнасилования? — спросила Регина после короткой паузы.

— Конечно.

— Зря — сами же вырыли себе яму!

— Но мне ведь нужно было как-то объяснить причину своего перевода в финансовый отдел! Думаете, он использует это против меня?

— Уж можете не сомневаться!

Ловя на себе испытующий, напряженный взгляд, Регина вздохнула:

— Ну, спросите меня, давайте!

— О чем?

— Да хорош притворяться, что не понимаете!

— Ну, тогда спрошу. Вы беретесь за мое дело?

— Да.

— А можно еще вопрос?

— Валяйте.
— Почему вы отказались в первый раз, а теперь согласны?
— Я же сказала, что не занимаюсь делами об изнасилованиях. Тем более — о попытках изнасилования... Но теперь это — дело об убийстве.

* * *

Регина не знала следователя по делу Устиньи — неувидительно, так как на вид ему, наверное, было лет двадцать семь. Плохо — молодежь обычно пытается произвести впечатление, а потому договариваться с ними сложно! С другой стороны, опыта у паренька маловато, а потому можно надеяться разбить его в суде в пух и прах; скорее всего, дело он отправит прокурору «сырым». Правда, самого прокурора в этом случае тоже не стоит сбрасывать со счетов!

Следователя звали Борисом Рассоховым, и появление адвоката Гнедич в маленьком, обшарпанном кабинете, несомненно, его потрясло.

— Я видел вас по телику! — выпалил он прежде, чем сообразил принять деловито-скупающий вид, который, по его мнению, свойственен настоящим *профессионалам сыска*.

— Возможно, — мило улыбнулась Регина. Она никогда не пыталась строить из себя бой-бабу, полагая, что сначала следует прощупать противника, обнаружив его слабые стороны, и только потом бить наверняка. Закидывая ногу на ногу, она краем глаза ловила восхищенный взгляд с трудом подбирающего слюни парня. Ее тонкие колготки не скрывали натурально-смуглого оттенка кожи, а вишневые лаковые туфли на десятисантиметровых каблуках подчеркивали стройность икр. Регина, как и все женщины небольшого роста, ощущала себя неуютно в обуви на плоской подошве — у нее был комплекс неполноценности, хотя она ни за что бы не призналась в этом даже самой себе, предпочитая думать, что просто *любит* шпильки. Для встречи со следователем она надела белый твидовый костюм — роскошная вещь, купленная в Милане ее подругой Илоной Шек. Илона являлась редактором модного журнала и знала толк в классных шмотках. Не перестаралась ли она?

— Не думал, что увижу вас... вблизи, — продолжал между тем следователь, вспоминая, что не является участником реалити-шоу, а занимает важную должность. — Чему обязан вашим визитом?

Регина едва сдержала улыбку — столь старомодный оборот в устах молодого мужчины звучал забавно.

— Устинье Попковой, — серьезно ответила она. — Вы задержали ее по подозрению...

— В убийстве Егора Сугривина, верно, — поторопился закончить Рассохов. — Неужели *вы* намерены ее защищать?

— А что здесь удивительного?

— Ну, вы же с богачами тусуетесь... В смысле, кто такая эта Попкова? — Внезапно лицо его осветилось, словно парню пришла в голову умная мысль. — А, так вас «Пугачефф» нанял?

— С какой стати? У руководства концерна нет ни малейших причин нанимать адвоката для защиты интересов уволенной сотрудницы. Вы же знаете, что ее уволили, Борис Ефимович?

— Естественно. Но... простите, мне просто кажется, что у Попковой не хватит денег даже на оплату одного вашего часа в суде!

— Адвокаты время от времени ведут дела pro bono, — пожала она плечами.

— У вас в этом деле какой-то специфический интерес?

Верно, черт тебя подери, со злостью подумала Регина, чувствуя, что утро перестает быть томным. Она и сама еще не до конца разобралась, зачем согласилась защищать Устинью. По сути, Регина не должна чувствовать вины, ведь она не раз отказывала потенциальным клиентам и тут же забывала о них. Пора «включать законника», решила она и жестко произнесла:

— Насколько я понимаю, господин следователь, *меня* допрашивать у вас причин нет, верно? Предлагаю сосредоточиться на моей подопечной.

Регина тут же пожалела о своих словах: лицо молодого следователя немилосердно покраснело, выдавая смущение и гнев — она только что указала ему на его место.

— Можно и на ней, — сказал Рассохов. — Ваша клиентка — убийца и у меня полно доказательств.

— Поделитесь?

— Извольте.

Снова этот странный оборот — где парнишка их нахватался?

— Убийство произошло на подземной двухуровневой парковке здания, где располагается концерт «Пугачевф».

— Оружие убийства?

— Железный лом.

Оригинально!

— Сугривина несколько раз ударили по голове и в лицо железякой, обнаруженной рядом с телом. Но причиной смерти стал не этот удар, а множество последующих, по разным частям тела.

— Кто-то был по-настоящему зол, видимо?

— Не «кто-то», а ваша клиентка, Регина Савельевна!

— Что заставляет вас так думать? Имеются записи с камер наблюдения на парковке?

— К сожалению, место, где все случилось, камерами не охватывается, а та, которая могла заснять убийцу, идущего к месту преступления или от него, оказалась сломана. Начальник службы безопасности «Пугачевфа» говорит, что они со дня на день ожидали работников компании, которая обслуживает концерт, для рутинной проверки и надеялись тогда отремонтировать и эту камеру, и другие, которые тоже барахлят.

— Как не вовремя произошло убийство, да?

— Убийца, должно быть, отлично ориентировался на местности и мог знать о неисправных камерах — еще один факт в пользу виновности Попковой.

— *Еще* один? Да это пока единственное, о чем вы упомянули, не говоря уже о том, что «Пугачевф» — огромное предприятие, где работают тысячи людей, хорошо знающих «местность», как вы выразились.

— Ее уволили, помните? За халатность.

— Спорный вопрос.

— То, что ее уволили?

— Нет, то, что она допустила халатность. У моей клиентки есть собственная версия на этот счет.

— У нее будет возможность изложить ее на суде. Попкову уволили, и она... ну, она решила отомстить Сугривину.

— Но ведь уволил ее вовсе не он. А-а, вы не в курсе, верно?

— Какое это имеет значение?

— Смотрите: Устинья перешла в финансовый отдел и проработала там около недели. Ее уволили за якобы ошибку, повлекшую за собой срыв важной сделки, но сделал это не Сугривин, а начальник отдела. Где, спрашивается, логика — почему она сорвала злость на бывшем начальнике, а не на том, кто действительно ее вышвырнул? Неужели ее увольнение и то, что она хорошо знакома с парковкой — все, что у вас есть? Да прокурор вас в ключья порвет за такую «доказательную базу»!

— А вот и нет, — криво усмехнулся Рассохов, и Регине показалось, что в его лице, таком еще молодым, проглянул волчий оскал. — Прокурор города *лично* знаком с Ильей Кузьминым. Понимаете, что это значит?

— С генеральным директором «Пугачеффа» и дядей Сугривина? — уточнила Регина.

— О, вы знаете, о ком речь!

— Вас удивляет, что я готовлюсь, прежде чем идти в суд?

Регина понимала, что лезет в бутылку, но ничего не могла с собой поделывать: редко кто вот так не нравился ей с первого взгляда. Мальчишка жонглирует именем прокурора Санкт-Петербурга, словно тот является *его* личным другом, а не приятелем Кузьмина!

— Прокурор заинтересован в том, чтобы дело поскорее попало в суд, — буркнул Рассохов.

— Кроме личной заинтересованности прокурора, что еще вы имеете предъявить в качестве улики?

— Орудие убийства.

— Конечно же, с отпечатками Попковой?

— Разумеется, она стерла отпечатки или была в перчатках.

— Боюсь вас разочаровать, Борис Ефимович, но в этом случае...

— Я не закончил. Во-первых, Попкова — высокая, сильная, спортивная женщина, которая вполне в состоянии убить человека, нанеся удары тяжелым железным предметом.

— Она принесла лом с собой?

— Там, где погиб Сугривин, в кучу свален всякий мусор — лопаты, домкраты, какие-то железяки... Думаю, она просто воспользовалась одной из них.

— У вас история не вяжется, Борис Ефимович! С одной стороны, вы утверждаете, что моя клиентка спланировала преступление, горя жаждой мщения. С другой — она не принесла орудие убийства с собой: надеялась подобрать подходящий предмет по дороге, и ей *повезло*, что в закутке, не охваченном обзором камеры, оказалась свалка металлолома?

Следователь вновь начал опасно заливаться краской.

— Мы только начали! — помимо воли, начал оправдываться он. — Уверен, со временем...

— Вам придется выпустить мою клиентку, так как у вас нет улик против нее, одни лишь домыслы! — перебила Регина, поднимаясь.

— У меня есть право держать ее семьдесят два часа, и Попкова не выйдет ни часом раньше! — упрямо вздернув голову, рявкнул следователь.

О, у щеночка прорезался командный «гав»?

— Посмотрим, — почти ласково улыбунулась Регина, поднимаясь.

* * *

— Так, народ, у нас много дел! — заявила Регина, порывисто входя и двигаясь по проходу к своему кабинету. — Через час у меня слушание о выпуске клиентки под залог, и мне нужно резюме по делу, которое можно использовать. Кто возьмется?

«Народ» состоял из четырех студентов пятого и шестого годов обучения юрфака университета, сисадмина, помощника юриста Алены Собакиной и секретаря Валентины. Штат довольно раздутый, но Регина платила ребятам мало — в основном путем выдачи премий за хорошо выполненную работу. Она называла это бартером: они набирались опыта под ее чутким руководством, а Регина получала почти бесплатную рабсилу. А что такого — все так делают! Только секретарши и сисадмин сидели на постоянной зарплате. Скоро и Алена, при значительной финансовой и моральной поддержке Реги-

ны, станет членом коллегии адвокатов, и тогда придется тоже платить ей ежемесячно.

— Я хочу! — раздался ее голос. Регина и не сомневалась, кто отзовется первым, и с готовностью вручила девушке листок с заметками. Алена усердна и скрупулезна, и Регина полностью ей доверяла. Ну, не как самой себе, конечно, но где-то в той же амплитуде.

— Отлично! — сказала она. — Все — в мой кабинет!

Регина не раз поздравляла себя с тем, что ей удалось отхватить помещение во флигеле дома номер сорок шесть по Невскому проспекту. Настоящая удача — несмотря на бешеную арендную плату, многие желали бы заполучить этот лакомый кусочек. Архитектором здания являлся не кто иной, как Бенуа, строивший здание для Московского купеческого банка. Помимо офиса Регины, ныне здесь располагались городская стоматологическая поликлиника, книжный магазин и таки филиал банка — правда, уже другого. Большим плюсом являлось то, что во флигель имелся отдельный вход. К счастью, Регина могла позволить себе подобную роскошь — в конце концов, живем только раз, а известному адвокату необходимо поддерживать имидж, ведь от этого напрямую зависят гонорары!

Ее собственный кабинет выходил окнами на Невский проспект. Регина оформила помещение в бежево-коричневых тонах, и оно имело изысканный и одновременно деловой вид. Когда сотрудники расселись на диване и в креслах, Регина присела на краешек стола.

— План мероприятий на ближайшие сутки следующий, — сказала она, окидывая всех орлиным взором и прикидывая, кому что поручить. — Кто-то должен отправиться на подземную парковку, где произошло убийство Сугривина, и все там облазить. Мне потребуются фотографии места преступления и записи с камер наблюдения.

— Но вы же говорили, что они не... — начал Иван Сушкин, один из ее «студентов».

— Не охватывают тот угол, верно, — не позволила ему закончить Регина. — Я прекрасно помню, что говорила, но мы не должны ничего оставлять на волю случая. Судя по всему, полиция уже нашла «виновного», то есть — нашу клиентку,

поэтому они не станут слишком стараться. А мы должны, ясно? Просмотрите не только те, что внутри, но и снаружи, и в самом здании, и напротив... Что там, кстати, у нас напротив?

— Торговый центр, — подала голос Алена. — Там тоже должны быть камеры! Но местность там пустынная, промышленная все-таки, поэтому между торговым центром и зданием, где расположен головной офис «Пугачеффа», довольно приличное расстояние. Кроме того, полиция наверняка изъехала записи — почему бы просто не...

— В задачу следователя не входит поиск доказательств в пользу нашей клиентки, — не позволила девушке закончить Регина. — Наоборот, его интересует лишь то, что подтверждает ее виновность!

— Я могу съездить, — снова вмешался Иван.

— Договорились, — кивнула Регина. — Мамочка выдаст тебе немного денег. Вероятно, потребуются кое-кого «подмазать»... Едем дальше: требуется изучить ближайшее окружение покойного — родственников, друзей, коллег. Известно, что он трижды женат, а в большинстве случаев — что?

— В большинстве случаев убийцами являются члены семьи! — с готовностью выпалила Инна Онацкая. Талантливая девочка с фотографической памятью — Регина уже решила, что не расстанется с ней и после окончания универа. — Если вы не против, я возьму на себя родственников и друзей, только мне потребуется помощь, потому что...

— Мамочка поможет, — перебила Регина. — И можешь взять еще одного человека.

— Хорошо, возьму Артурчика.

— Так... А где у нас Захар?

— Он на съемках, ты забыла?

Это сказала Мамочка — единственная из сотрудников Регины, в силу возраста и опыта имевшая право обращаться к ней по имени и на «ты».

Черт, действительно забыла!

— А вы чем займетесь? — поинтересовалась Алена, как всегда, любопытная.

— Коллегами. Ни один из этих снобов не станет с вами разговаривать. Я хотела поручить это Захару, но ввиду невозможности это сделать... Короче, я поговорю с сотрудниками

«Пугачеффа» и выгашу нашу девочку под залог. Думаю, дело обойдется парой сотней тысяч.

— Преступление-то особо тяжкое, — заметила Алена. — Может и в пол-ляма влететь! Вы так уверены, что она невиновна, или есть что-то еще, ради чего вы рискуете деньгами?

— И то, и другое.

— В смысле?

— Ну, я почти уверена, что Устинья говорит правду — либо она прямо-таки великолепная актриса, а это трудно заподозрить в столь юном создании. Кроме того, если ее оправдают, я смогу забабхать иск к «Пугачеффу» за незаконное увольнение... Да, мне нужен еще человек, чтобы пообщаться с соседями Устиньи.

— Зачем? — спросил Иван.

— У нее нет алиби на момент преступления. Устинья снимает квартиру и живет одна. Она говорит, что вечер и ночь того дня провела дома, мучаясь от депрессии.

— Ну, свидетелей ее депрессии мы вряд ли отыщем! — хохотнул Артур Адабашьян.

— Верно, — согласилась Регина, — но кто-то мог видеть, как она входила или выходила, когда вернулась, и так далее.

— Убийство же произошло между одиннадцатью и полночью, так? — снова подала голос Алена, задумчиво жуя нижнюю губу. Ее круглое, полное личико с россыпью веснушек на курносом носу при этом выражало глубочайшую сосредоточенность.

Регина кивнула.

— А что, интересно, Сугривин делал в такое время в подземном гараже? Ну, допустим, он задержался на работе, но что-то уж больно поздно, не находите?

— Ты права, — сказала Регина. — Я поговорю об этом с его коллегами — может, кто-то из них тоже подзадержался или, по крайней мере, знал о причинах того, что заставило Сугривина просидеть там так долго. А теперь — вон из моего кабинета — мне нужно подготовиться к слушанию!

Все вышли, кроме Мамочки. Она встала, прикрыла дверь и вернулась на диван.

Регина подняла на пожилую женщину вопросительный взгляд.

— Проблемы?

— По-моему, у тебя, — сказала та.

— То есть?

— Почему ты уцепилась за это дело? Оно не типично для тебя, да и барышей больших не сулит. Работа «pro bono» — не твой конек уже лет десять как!

Пожалуй, Регина позабыла о проницательности коллеги — если даже у Алены возникли вопросы, чего уж говорить о Мамочке!

— Поговорим? — спросила между тем женщина. — Дело ведь не в деньгах по гражданскому иску, так?

— Ничего-то от тебя не скроется!

— Знаешь, когда человеку за шестьдесят...

— Ладно-ладно, не дави на жалость — ты еще всем нам фору дашь!

— Так почему? — посерьезнев, снова спросила Мамочка.

— Просто мне кажется, это правильно. Этот гад пытался изнасиловать Устинью, помнишь? А потом ее уволили — за то, что она защищалась!

— Этого мы не знаем, — рассудительно заметила Мамочка. — Это *она* так говорит.

— Я ей верю. Она сильная и умная, знает, чего хочет...

— То есть она похожа на тебя?

— Не в этом дело! Когда она пришла ко мне в тот, первый раз, то сказала, что мечтает наказать руководство «Пугачеффа» за отношении к работающим там женщинам.

— Боже, как пафосно!

— Ничего не пафосно — давно пора этим заняться. В Америке или в Европе, вон, тетки умеют за себя постоять. Они *заставили* себя уважать, а мы тут, в России, все боимся кого-то пошевелить, растревожить осиное гнездо, все извиняемся за то, что мы женщины. Это неправильно! Я хочу порвать эту «теплую» компанию в клочья, доказав, что им придется заплатить не только за вынужденное увольнение Устиньи, но и за то, что мужики считают, что могут вытирать о нас ноги. Устинья, перед тем как прийти ко мне, нарыла кое-какую информацию насчет женщин, пострадавших от посягательств Сугривина. Ни одна из них больше не работает в «Пугачеффе», и это может значить одно из двух: либо их уволили так же, как и ее...

— Либо они, от греха подальше, уволились сами, предпочитая личное спокойствие карьере и зарплате, — закончила за нее Мамочка. — Хочешь, чтобы я поискала информацию об исках или заявлениях, если таковые подавались?

— Хорошая мысль, хотя вряд ли что-то найдется, раз Сугривина так и не привлекли. Похоже, дельце предстоит грязное!

— Я на твоей стороне, помнишь? — ласково потрепала ее по плечу Мамочка. — Только убедись в том, что ты действуешь как адвокат, а не как член группы поддержки «униженных и оскорбленных», идет? Кстати, как ты собираешься заставить «Пугачев» платить? Ты в курсе, какие компенсации по гражданским искам назначают в России?

— А кто сказал, что я намерена доводить до суда?

— Так ты хочешь заключить мировое соглашение с концерном? — Лицо Мамочки просветлело.

— Под угрозой разоблачения их шовинистической политики, думаю, они сочтут за благо раскошелиться и выложат столько, сколько мы запросим. А пока, — добавила Регина, — давай-ка просто вытащим Устинью!

* * *

Как и предполагала Регина, слушание много времени не заняло. Устинья Попкова не имела приводов, а потому вряд ли могла считаться социально опасной личностью. С судьей Регина была хорошо знакома, а потому ее поручительства и суммы в двести пятьдесят тысяч рублей оказалось достаточно для освобождения под залог.

— Где вы взяли такие деньги?! — спросила девушка, в ужасе от названной суммы. — У меня столько не наберется!

— Не переживайте, — успокоила ее Регина. — Во-первых, внести нужно всего десять процентов... А во-вторых, ты не виновна, поэтому я ничем не рискую.

— Значит, вы мне поверили?

Они сидели в кафе с видом на Казанский собор. Мимо проносились машины, разбрызгивая по сторонам растаявший снег. На дворе конец марта, но неожиданно Питер накрыл снегопад, какого не случалось за всю минувшую зиму.

Тем не менее дневная температура была уже весенней, а потому вместо сугробов, которые лежали за городом и в северных районах города, в центре снег превратился в грязную жижу, смешанную с машинным маслом и пылью. Устинья уплетала киш с лососем, Регина цедила уже третью чашку кофе.

— Поверила, — подтвердила она, задумчиво глядя в окно. — Думаю, у вас не было причин убивать Сугривина... Кстати, вы связывались с адвокатом, которого я рекомендовала?

— Да, — кивнула девушка, глотая большой кусок киша. Она ела с аппетитом, присущим молодым, и Регина наблюдала за ней даже с некоторой завистью, так как сама давно разучилась испытывать удовольствие от простой пищи. — Он сказал то же, что и вы: раз изнасилования не было...

— Ясно. Плохо, что у вас отсутствует алиби! Уволил вас начальник финансового отдела, а не покойный — значит, чисто формально, у вас не было причин его убивать — если, конечно, мстили вы не за увольнение, а за попытку изнасилования. Кто-нибудь видел, как вы выходили из кабинета Сугривина в тот день?

— Не знаю, было уже поздно...

— Ваш вид в тот момент вряд ли оставлял сомнения в том, что происходило за закрытыми дверями!

— Сугривин порвал мне блузку.. Но ведь это значит, что он действительно напал на меня, разве нет? А я защищалась!

— Это если найдутся свидетели, иначе у нас есть только ваше слово. Обвинение строится на трех пунктах. Первый: вы утверждаете, что ваш бывший начальник пытался вас изнасиловать.

— *Утверждаю?*

— Второй пункт: вас уволили. Формально этот факт не связан с первым пунктом, поэтому его еще нужно доказать. Подозреваю, что руководство станет всячески отрицать любую возможность того, что происшедшее — правда. Но вот что действительно не требует доказательств, так это ваше увольнение и то, что вы считаете покойного Сугривина виновником ваших несчастий.

— Но ведь так оно и есть! — возмущенно воскликнула Устинья.

— Пока мы ничего не можем ни подтвердить, ни опровергнуть, я лишь обрисовываю ситуацию, чтобы вы поняли: работа предстоит большая.

— Вы говорили о трех пунктах. Полагаю, третий — это отсутствие алиби на время убийства?

— Верно. Это — самое слабое звено следствия, так как на орудии убийства ваших отпечатков нет.

— В тот день было холодно, и убийца наверняка надел перчатки.

— Тоже правильно. Судя по тому, что лом лежал прямо там, в гараже, преступление носило непреднамеренный характер. Однако Сугривин был крупным мужчиной, и удары потребовали бы от его противника недюжинной силы. Вы занимаетесь спортом?

— Занималась.

— Каким?

— Волейболом.

— И как долго?

— Лет пять.

А по ней и не скажешь — худая, как щепка!

— Как я понимаю, об этом распространяться не стоит? — спросила Устинья.

— Точно. Правда, если дело все-таки дойдет до суда, прокурор вполне может это выяснить... А может, и нет. Так что, пока помалкивайте о своих «олимпийских» рекордах, ладно? Кстати, у вас нет предположений, что Сугривин мог делать в гараже между одиннадцатью и двенадцатью часами вечера — не поздновато ли он задержался?

— Вообще-то да, — задумчиво пробормотала девушка, потирая заостренный подбородок. Регине вдруг подумалось, что она вся как будто состоит из острых углов: высокие скулы, длинный, тонкий нос, большой рот с тонкими губами, серые глаза, слегка вытянутые к вискам, что придавало лицу странно монголоидный тип, хотя, совершенно очевидно, что ни китайской, ни какой-либо другой крови «желтых» наций в ней нет. Пальцы Ульяны были длинными, тонкими, с сильно выступающими костяшками и розовыми ногтями. Эти ногти имели бы красивую форму, не обладай она дурацкой привычкой немилосердно их обкусывать.

— Если честно, — добавила она, — Сугривина нельзя было назвать трудоголиком — он, напротив, старался проводить в офисе как можно меньше времени! Но он порой задерживался, чтобы принять любовницу. Жене говорил, что будет работать, а сам...

— Ясно, попробуем выяснить.

— А что делать мне?

— В смысле?

— Я понимаю, что не разбираюсь в законах, но я — рабочая единица, у которой нет никакого занятия. Мои ноги, руки и голова в вашем распоряжении!

* * *

Устинья пять лет проработала в современном здании из стекла и бетона с видом на оживленную трассу и пустырь. Она часто забывала о том, что Петербург — старинный город, с красивыми домами и улицами, глядя на которые легко окунуться в прошлое. Таким было и здание, в котором располагался офис Регины. Сотрудники Регины показались Устинье странными. Во-первых, почти все они очень молоды — за исключением, разве что пожилой дамы в пончо (невероятный наряд для служащей, ведь в «Пугачеффе» существовал строгий дресс-код!). Она была небольшого роста, полноватой, с круглым, приятным лицом и курносым носом, на котором неловко сидели очки. Они плохо держались на переносице, то и дело соскальзывая, и она поправляла их мизинцем. По прикидкам Устиньи, ей хорошо за полтинник, но она, похоже, отлично ощущала себя в юном коллективе. Кто все эти пацаны и девчонки? Девушке казалось, что такой известный адвокат, как Регина, должна иметь соответствующий штат — важных мужчин в пиджаках и галстуках и женщин в деловых костюмах. Может, они сейчас в суде, а эти ребята — на подхвате?

— Эй, здесь никто без дела не сидит! — услышала она и обернулась: рядом стояла та самая пожилая дама. — Вам нечем заняться?

— Регина Савельевна не дала мне никакого задания, хотя я и просила, — обиженно отозвалась Устинья.

— Тогда помогите мне, идет? В компьютерах разбираетесь?

— Немного.

— Есть одна база. Надо в ней покопаться, а у меня рук на все не хватает.

— Я могу!

— Кстати, меня зовут Ольга Шаевна, — добавила незнакомка, указывая Устинье на стол, на котором стоял открытый ноутбук.

Устинья сразу поняла, что «база», за которую ее усадила Ольга Шаевна, принадлежит Министерству внутренних дел (один бог знает, как она ее заполучила!).

— Вы ведь референтом работали у Сугривина, верно? — уточнила пожилая дама.

Девушка кивнула.

— Ну, тогда у вас получится. Поищите, не подавались ли какие заявления на вашего покойного босса.

— Заявления?

— Об изнасилованиях. Вы же сами сказали, что были не единственной жертвой этого поганца, так?

— Да, но разве его не привлекли бы к ответственности, если бы кто-то обратился в полицию?

— Скорее всего, вы ничего и не найдете, но отрицательный результат — все же результат. А потом нужно будет лично встретиться с девушками в вашем списке... Он ведь еще у вас? Я очень удивилась, когда Регина рассказала о том, что вы сами пытались наводить справки!

— Список у меня, — подтвердила Устинья. — Я привыкла жить по принципу ПСС.

— Помоги Себе Сам? — усмехнулась Ольга Шаевна. — Что ж, правильный принцип. Но не забывайте, что иногда стоит доверять и другим людям, они не всегда желают вам зла!

С этими словами она повернулась и бодро зашагала в сторону выхода. Некоторое время Устинья провела, колдуя над базой. Если верить ей, Сугривину не выписывали даже штрафов за нарушения ПДД или неправильную парковку — что само по себе странно, учитывая количество его авто! Интересно, как к Ольге Шаевне попали такие данные? Наверняка это незаконно!

— Так это из-за тебя такой переполох? — услышала Устинья и обернулась. В проходе, засунув руку в карман отличного выглаженных брюк, стоял симпатичный чернявый парень примерно ее возраста. Темная щетина, покрывающая нежную кожу на щеках, никого не могла обмануть: он явно старается выглядеть старше, но это плохо получается. Может, он даже моложе ее! Но внимание Устиньи привлекло не столько это, сколько предмет, зажатый в его правой руке — небольшой пистолет, который парень небрежно крутил на пальце.

— Не боишься кого-нибудь подстрелить? — спросила она, подозрительно косясь на оружие.

— Этим-то? — ухмыльнулся он и нажал на спусковой крючок. Вместо громкого «бабах» из дула бесшумно выстрелил язычок ярко-желтого пламени. Ну конечно, зажигалка — она видела такие в кино. Да, паренек *явно* моложе — невозможно оставаться таким идиотом, когда тебе перевалило за двадцать!

— Ты не ответила на вопрос.

— В смысле?

— Ну, это же ты подозреваемая по убийству «пивного барона», верно? И все здесь сейчас заняты твоим делом. А ты?

— Ольга Шаевна попросила помочь с базой МВД, — пояснила Устинья. — Наверное, ей самой тяжело управляться с компьютером.

— *Мамочке*-то? — хохотнул парень. — Тяжело?! Да ты хоть знаешь, кто она такая?

— И кто же? — нахмурилась девушка.

— Мамочка до выхода на пенсию работала в РКК «Энергия»!

Видя, что Устинье это ни о чем не говорит, он добавил:

— Это бывшее КБ Королева.

— Того *самого*?

— Который занимался проектированием космических кораблей, да. Они создали пилотируемые корабли «Союз», грузовые аппараты «Прогресс М», а сейчас обеспечивают функционирование МКС. Мамочка лично являлась одним из разработчиков системы спутниковой связи «Ямал», так что компы для нее — как для тебя простейшая мобила!

— Тогда почему?..

— Почему она посадила тебя здесь? Да чтобы ты под ногами не болталась! Регина... то есть Регина Савельевна сказала, что надо придумать тебе занятие.

— Значит, то, что я делаю, бесполезно? — Устинья почувствовала, что начинает злиться. Она-то считала, что помогает, участвуя в общем деле, а на самом деле от нее отмахнулись как от назойливой мухи. Можно было еще предложить перебраться чечевичные зерна или посадить розовые кусты, как в сказке про Золушку!

— Ничего не бесполезно!

Знакомый голос заставил Устинью отвернуться от паренька. В офис вошла Регина. Вместе с ней в помещение ворвался аромат дорогого парфюма — тонкий, но отчетливый. Устинья видела адвокатессу всего несколько раз в жизни, и каждый раз она одевалась по-новому. Интересно, насколько велик ее гардероб? Вкуса Регине точно не занимать, ее костюмы отличаются изысканностью — и как только она умудряется выглядеть по-деловому и одновременно так сексапильно? В ее повадках сквозит грация, присущая животным, такая маленькая пантера, на вид нежная и ручная, но непредсказуемая и опасная, если кому-то вздумается с ней поиграть или, не приведи господь, подразнить. Скорее всего, это у Регины в крови — негроидная раса, пусть и разбавленная, обладает раскованностью и красотой движений, какой нет ни у одного другого народа в мире. С ее появлением все вокруг пришло в движение: люди оторвались от своих дел и устремились в центр помещения, поближе к его «двигателю» в лице Регины Гнедич.

— Нашли что-нибудь на Сугривина? — поинтересовалась адвокатесса.

Устинья покачала головой.

— Что ж, этого следовало ожидать: если бы кто-то из пострадавших подавал заявления в полицию, мы бы обязательно что-то узнали — СМИ не дремлют, да и следы, хочешь не хочешь, все равно остаются... Тогда копнем с другого угла. Народ, все в кабинет!

Увидев, с какой готовностью молодежь ручейком потекла к двери, за которой скрылась их босс, Устинья подивилась